

патией относились великие наши учителя, создатели Художественного театра — Константин Сергеевич Станиславский и Владимир Иванович Немирович-Данченко. Верили в меня старшие товарищи: В. И. Качалов, И. М. Москвин, Л. М. Леонидов. Надо ли говорить, что такое отношение вызывало и чью-то обратную реакцию? Это естественно. Но Константин Сергеевич учил нас смотреть на театр как на род высокого общественного служения, и я всегда следовала такому, гражданскому, народному пониманию назначения своей профессии.

Помню, Станиславский на одной из репетиций сказал

премьеры, Константин Сергеевич предложил заменить М. П. Лилину... мне. Я обожествляла старшее поколение прекрасных актеров МХАТа и растерялась. В. О. Топорков, который с большим успехом играл в «Мертвых душах» Чичикова, решил даже по-своему схитрить в пользу Лилиной: он сказал Станиславскому, что ему легче играть с Марией Петровной, что она для него более удобный партнер, чем я. Не помогло. С двух репетиций меня ввели в спектакль, и вот уж не одно десятилетие я играю эту роль. Одной из лучших моих актерских работ я обязана К. С. Станиславскому, угадавшему во мне возможности для создания сце-

и зрителям. Это — ваш штампик.

Актриса покраснела, расстроилась. И Станиславский, человек очень деликатный, воскликнул:

— Нет-нет! Никогда вам больше об этом не скажу, раз вы так самолюбивы!

Много позже, уже после смерти нашего учителя, актриса стала следить за своей мимикой и избавилась от вредной привычки.

Мелочь? На сцене не бывает мелочей — зрители зорко все подмечают. Полюбившемуся актеру они прощают мелкие «штампики», раздражающие привычки. Но прощают же, а не оставляют без внимания!

Вспоминаю этот случай, когда ко мне подходят актрисы младшего поколения, спрашивают совета. Я охотно делюсь опытом и мнением, но всегда предупреждаю: «Только будьте настоящим художником — не обижайтесь. Самолюбие мешает нам услышать правду».

К. С. Станиславский любил напоминать нам о том, чтобы мы не забывали, приходя на

зал о воровстве. А раньше этот текст не выпячивался — не в нем было дело. Что же случилось? Оказывается, Михаил Михайлович прочитал в газетах о так называемых «таскунах» — людях, которые ежедневно по мелочам растаскивают что-нибудь со своего же производства. И больно стало актеру за глупцов, которые того не понимая, обкрадывают самих же себя.

Приходится иной раз встречаться с актерами, которые тяготятся шефскими выступлениями, ворчат, что концерты на случайных площадках, иногда без сцены, — дескать, неуважение к их искусству.

Как им объяснить, что встреча со зрителями на таких концертах большая радость для актера? Мы с покойным Николаем Ивановичем Дорохиным выступали перед бойцами на фронте в любых условиях: на мокрых от дождя полянах, в землянках, где и шагу не ступишь от тесноты, на открытых грузовиках, которые нам казались настоящей сценой. Выступали, перекрикивая гул орудий, шум авиационных мо-

ХОРОШО ЖИТЬ

Мастера искусств о себе

ХОРОШО жить. С этим чувством я просыпаюсь каждое утро. И не хочется говорить о жизни в прошедшем времени, как это делают иные мои сверстники. Я не «прожила», а живу восьмой десяток лет на земле, пятьдесят девять из них — служу искусству, полвека — на сцене МХАТа. И в каждом возрасте вижу свою прелесть, свои радости: в двадцать лет — один, в сорок — другие, нынче — третьи. Но все равно — радости.

Сегодня на дворе дождь, а дома солнечно: звенит голосок правнука, его отец с утра что-то мастерит умными руками, внучка энергично приводит в порядок квартиру. А у меня — гость, молодой актер, который понравился мне в литературном спектакле по произведению Константина Симонова — моего любимого поэта. Возраст не мешает ему понимать меня, а мне — его. Мы говорим с молодым товарищем по искусству о том, как важно хранить в себе человека, влюбленность в жизнь, свежий взгляд на людей. Можно быть сколь угодно талантливым, получить признание зрителей, но допустить в себе равнодушие, духовную усталость, начнешь раздражаться по пустякам — и незаметно поубавится, увянет, уйдет талант.

Обычный день. Он продолжится в театре, который стал мне родным домом: там нынче будут читать новую пьесу.

Быть может, сегодня кто-то будет жаловаться на зависть ближнего, на руководство, которое обошло ролью в новой пьесе. Театр есть театр. Актер есть актер: всякому хочется играть. И можно ли актера упрекать в жадности к ролям, если только это художественная жадность, а не стремление еще раз показать себя почтеннейшей публике?

Смолоду ко мне с большой человеческой и творческой сим-

очень хорошей актрисе Нине Александровне Соколовской, которая репетировала роль Домны Пантелеевны в «Талантах и поклонниках» А. Н. Островского:

— Не хочу вас обидеть, Нина Александровна, но не согласен я с вашим пониманием Домны Пантелеевны. И думаю назначить на эту роль Анастасию Платоновну Зуеву...

Любой актер понимает, как тяжело, мучительно услышать подобное. А хороший актер, действующий на сцене сердцем, знает: с ролью расстаешься, как с живым человеком, а с той, что не удалась, и того труднее — как с больным, которому так и не удалось помочь.

Н. А. Соколовская с грустью мне рассказала о мнении Станиславского и добавила:

— Да, Настенька, я грубова- та и тяжела для этой роли. Константин Сергеевич говорил, что получается у меня Кабаниха из «Грозы», а Домна Пантелеевна — совсем, совсем другое...

Репетировали мы тогда в доме Константина Сергеевича, у него в саду. Там теперь музей его имени. Прихожу туда и всякий раз волнуюсь: вот то самое дерево, скамья, ступени, по которым легко и красиво сходил наш учитель. Вспоминается каждый проведенный там день, каждый час. Позже, когда «Таланты и поклонники» решили поставить в кино, я отказалась играть Домну Пантелеевну — слишком много было связано у меня в этой работе с именем Станиславского и хотелось так и оставить, сберечь, ни с чем не смешивать...

Константин Сергеевич являл нам пример высокого служения театру как делу общественному. Кто из людей, которые интересуются историей Художественного театра, не знает, как любил Станиславский свою жену, Марию Петровну Лилину, как пронесли они любовь и дружбу через всю жизнь? Мария Петровна была замечательной актрисой. Однажды ей была поручена роль Коробочки в инсценировке гоголевских «Мертвых душ». Что-то не устроило Станиславского в ее исполнении, что-то не совпадало с его режиссерским пониманием этого образа и всего произведения. И, незадолго до

нического характера гоголевской помещицы. А Мария Петровна Лилина сумела побороть горечь и относилась ко мне с такой же материнской теплотой, как прежде...

Но не всегда бывало так. Случались и долгие обиды, и молчаливые ссоры. Константин Сергеевич и Владимир Иванович хвалили меня за то, что я старалась даже в деталях совсем маленькой роли найти что-то запоминающееся, отыскать особенности грима, костюма. Художники доверяли моей фантазии. Мои учителя меня хвалили, а я не могла им объяснить, что не от меня, а от них зависит мой успех, что это они научили меня свято относиться к искусству. Я убежала, когда слышала похвалы. Однажды Вл. И. Немирович-Данченко строго спросил меня:

— Почему после репетиции на сцене вы не зашли в зрительный зал? Я же вас вызывал?

— Я заходила, но постеснялась — не пошла дальше. Там столько актеров было...

Он меня понял и не стал укорять.

Все это я рассказываю ради одной мысли, дорогой, как мне кажется, каждому актеру, который не хочет увянуть душой: не все было безоблачно в моей театральной жизни, похвала влекла за собой обиды некоторых моих коллег. Но никогда не ощущала я за собой премьерского духа, никогда не допускала мысли, что я лучше, избраннее других. Я служила искусству. Это чувство помогало мне восхищаться талантом артистов, которые почему-либо оказывались в положении невольной мною обиженных, сердились на меня.

В театре, как и в любом творческом деле, человек должен иметь право на упрек и на похвалу. Только тогда он будет развиваться свободно, плодотворно творить, радостно работать.

Как не вспомнить поучительный эпизод, которому я была свидетелем еще при жизни К. С. Станиславского?

Константин Сергеевич на репетиции сделал замечание молодой, но уже в то время известной, признанной актрисе:

— У вас есть привычка морщить лоб. Это мешает и вам,

КОРОБОЧКА. «Мертвые души».

спектакль, «загримировать душу». Он имел в виду умение актера сосредоточить внимание на предмете искусства, отбросив все обыденное прочь. Это требование совпадало с его законом, тоже выраженным образно: «Вдохновение актера числится на афише». И надо себя готовить к вдохновенно постоянному, повседневному. Иначе в нужный час оно вас не посетит.

Меня часто спрашивают знатоки театра: «Где же те актеры, которые нас потрясали? Почему так часто мы встречаемся с натуралистической игрой «под правду» вместо подлинной правды? Почему так часто уже не интересно посмотреть актера в той же роли второй и третий раз, как смотрели когда-то корифеи МХАТа?»

А в самом деле, почему? Ведь сколько ни ходи на спектакли, в которых играют мои товарищи: Михаил Яншин или Алексей Грибов, Ангелина Степанова или Анатолий Кторов, Николай Болдуман или Борис Петкер, — всегда увидишь что-то новое. Сама жизнь привносит это в их работы: ведь каждый день прожит иначе, а значит, и актер приходит на спектакль чуть-чуть другим. Чуткость к новым поступкам из жизни и обновляет действия таких актеров. Однажды, например, Михаил Михайлович Яншин вызвал слезы у зрителей в спектакле «Поздняя любовь» — с такой болью он ска-

МАРЬЯ. «Любовь Яровая».

торов. И не нанесли урон искусству. Наоборот, оно окрепло, возмужало. А мы были счастливы, видя озарившиеся радостью лица бойцов, слушаая слова благодарности.

Если умеешь слушать время, искусство твое не состарится. Нынче пошел у нас в театре новый спектакль — «На всякого мудреца довольно простоты» А. Н. Островского. Мне в нем поручили роль Манефы, которую в большинстве случаев играют кликушей-монашкой. А я подумала о том, что сейчас вовсе не имеет значения, монашка она или нет. Сейчас важнее разоблачать ханжество иного рода. И попросила изготовить два костюма: один, в котором Манефа появляется среди простого народа, прикидываясь нищенкой, прикрывая свое нахальство монашеским платочком, а другой — платье, в котором она ходит к богатым людям, к Турусиной. Так-то вернее раскрывается приспособленчество, которое порой встречается и сегодня. И не только в кликушествующих старухах, но и в иных молодых, благополучных, перекрашивающихся в различных юродивых.

Всю свою жизнь я стремлюсь изучать лучшее, что дал Художественный театр искусству. И потому каждый день живется интересно, радостно. Так нас учили видеть счастье. Таким я его и понимаю.